

Труд как неперемное условие спасения провозглашается христианскими авторами обязательным для всех. Человек не может есть хлеб даром, не трудясь: «. . . не следует получать доход тем, кто никак не трудится», — говорит Николай Кавасила (Рост., 729 А). Григорий Палама говорит о значительном вреде праздного бездействия (*ἀργίας*)²¹.

Одновременно с этой стороной концепции труда, примыкающей к учению о спасении души, мы усматриваем и земные корни этой теории. Труд — это и средство прокормиться для бедного, это и источник богатства. Алексей Макремволит говорит устами бедных, что следует предоставить «за наши труды часть, полагающуюся нам по закону» (Разг., 211.13—14). Автор считает несправедливым, что вознаграждение зачастую не соответствует затратам труда: «Мы много и тяжело трудимся, но никакой или почти никакой выгоды не получается. Вы же получаете большую прибыль и при малых затратах труда» (Разг., 205.28—29; 206.1—2).

Интересно, что в литературе этого времени отражено стремление поменять понятие «трудиться» (*πνεῖν*) понятием иного смысла — «служить» (*δοῦλεύειν*). Известные слова апостола Павла: «Кто не хочет трудиться, тот не ешь»²² — трансформируются в устах богатых «Разговора. . .» во фразу иного смысла: «Нет такого обычая — кормить даром тех, кто не служит» (205.17). Думается, что эта фраза не случайна. *Δοῦλεύειν* несет в себе определенный оттенок зависимости. Кстати, сам Макремволит неодобрительно относится к переосмыслению слов Павла, подчеркивая прежде всего зависимость всех от бога: «А какую же вы несете службу господу за то, что вы получили?» (Разг., 205.19—20).

Богатые, по Алексею Макремволиту, также считают труд основой жизненного успеха. Утверждая, что жизнь богатых полна трудов, защитники богатства прибегают к извечному тезису: бедность имеет своей основой только леность. Говоря о нищих, они утверждают: «Разве не из лениности предпочли они бедность?» (Разг., 212.30—31). Автор «Разговора. . .» откровенно подчеркнул фарисейскую подоснову их аргументов: «Но ведь гораздо труднее сохранить богатство, чем приобрести его. . . сколько у нас мыслей о приумножении наших владений, но, с другой стороны, сколько опасений относительно того, чтобы сохранить все это!» (Разг., 212.20—25). Не вызывает сомнения, что «труд» богатых и труд ради куска хлеба в такой интерпретации византийского автора выглядит неадекватным.

У Алексея Макремволита отмечен также созидательный характер труда людей: «. . . из нашей среды выходят пахари, строители домов и грузовых кораблей, ремесленники, на которых держатся все города» (Разг., 210.8—10).

Вопрос о понимании византийскими авторами интеллектуального труда требует особого рассмотрения. Несомненно, византийцы признавали возможность прокормиться умственным трудом. По Алексею Макремволиту, среди средств приобретения денег названы знания (*ἐπιστήμη* — Разг., 207.1). По традиции, восходящей к античности, византийские авторы весьма ценили занятия науками, литературой и выделяли их как достойный уважения вид человеческой деятельности. Высокая образованность в Византии была отмечена печатью особой социальной престижности²³. При императорском дворе существовали салоны, собиравшие

²¹ PG, 151, col. 9—18 (далее — Гом. I). Русский перевод гомилии помещен в сб. «Памятники византийской литературы IX—XIV веков». М., 1969, с. 368—371. Фрагменты перевода гомилии см.: Горянов Б. Т. Первая гомилия Григория Паламы, как источник к истории восстания зилотов. — ВВ, I (XXVI), 1947, с. 265—266.

²² Второе послание к фессалоникийцам, 3.10.

²³ Sevčenko I. Nicolaus Cabasilas' correspondence and the treatment of late byzantine literary texts. — BZ, 47, 1954, p. 49; *idem*. Society and Intellectual Life in the XIVth Century. — XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Rapports I. Bucarest, 1971, p. 25.